

Как поп работников морил

Вот в некотором царстве, в не котором государстве, именно в том, в каком живем мы, жил один мужик. У него было три сына — два умных, а третий дурак. Жили очень бедно. Отец посылает сыновей: «Идите хоть один в работники: дома делать нечего!» Сыновья собрались; ни тому, ни другому неохота идти в работники. Перетолковали; вздумали жеребий кинуть — кому идти в работники. Кинули жеребий, досталось большаку брату идти в работники. Большак брат справился и отправился в путь-дорожку. Поступил в работники к попу. Тот его ничем почти не кормил, проморил зиму. Ушел большак. На другой год отправился к попу средний брат и тоже чуть с голоду не помер. Настала очередь меньшому брату идти — Ивану-дураку.

Вот он снарядился и отправился в дорогу. Вышел — навстречу [...] поп[...] ему. «Далеко ли, добрый человек, идешь?» — спрашивает поп. «Иду себе места искать! — говорит. «Ну, наймись ко мне в работники!» — «Найми! — говорит. — Сколько дашь?» — «Сто рублей дам, — говорит, — за зиму!» — «Ну, а сто рублей дашь, я и жить стану!» — говорит. «Ну, станешь, дак садись в сани и поедем ко мне!»

Сели в сани и поехали к попу.

Приехали к попу. Поп чаем напоил, ужином накормил: «Ложись спать! — говорит. — Утром ехать за сеном». [Назавтра] поп будит после полночи работника: «Вставай, надо ехать!» Сам чаю напился, отзавтракал, а работника не кормит на дорогу. Работник запряг пару лошадей. «Ну, садись, батько! Поедем», — говорит. Сели и поехали. Выехали за поле. «Батька, — говорит, — я веревки забыл! Нечем сено завязать». — «Экой ты чудак! Еще хорошо скоро вспомнили! Беги, я подожду!»

Иван-дурак прибежал к попадье: «Матка, давай скорей белорыбник и бутылку вина! Поп велел дать!» Попадья сейчас подала. Работник побежал: «На веревки, батько! Теперь есть чем сено вязать».

Верст сорок проехали. Наклали они возы, завязали. Поехали домой — сумерилось, а еще верст сорок ехать домой. Иван-дурак на возу выпивает из бутылки и белорыбником закусывает. Поп и говорит Ивану-дураку: «Ваня, гляди! Есть дорога направо, как бы туда лошадь не сбрела. А я дремлю». — «Ладно, батька, поезжай! Я усмотрю эту дорогу».

Ваня едет и смотрит эту дорогу. Увидал эту дорогу, скочил с воза и отвел лошадь в сторону по той дороге, по кой не надо было ехать. Проехали они по этой дороге верст пятнадцать. Потом поп проснулся. Осмотрел место и видит, что в сторону едут, не ладно. «Ваня, ведь мы неладно едем!» — «А я, — говорит, — почему знаю — ладно или неладно! Ведь ты впереди едешь, а я за тобой». — «Экой, Ваня! Как я наказывал, что посмотри, дорога направо будет, а ты и заехал!» — «Ишь, сам впереди, а я и заехал!» — «Ну, стало быть, Ваня, делать нечего! Надо ехать по этой дороге. Должна тут быть деревня недалеко, нужно нам в ней ночевать».

Так поехали дальше продолжать.

Приезжают они в одну деревню. Поп посылает работника: «Пойди просись ночевать вот у такого-то мужика!» Работник побежал к дверям. Видит, двери заперты. Сейчас большуха вышла, двери отворила. Работник вошел и просит хозяина: «Пусти нас, пожалуйста, с попом ночевать!» — «Милости просим, — говорит, — ночуйте!» — «Да, пожалуйста, я вас прошу, по паужином не кормите: накормите, он еще горажже сшалеет! Примолвите так, а садить не садите боле, а если посадите, так не взыскивайте, если шалевать будет!» — «Ну, ладно!»

Работник лошадей выпряг, поставил к возам. Вошли в избу, разделись поп и работник. «Поужинать ли не хотите ли, батюшка?» Поп на ответ ничего не подает, а работник свернулся да и за стол. Работник отужинал, как ему надо, а попу сесть неловко, только примолвили, а больше не садят; а есть очень хочется. Так работник отужинал, полез на полаты, и поп за ним.

Работник захрапел, а попу не спится. Работника тычет под бока: «Работник, ведь я ись хочу!» — «Ох, мать твою, косматый леший! Садили тебя есть — не садился! Ведь не дома, где попадья за руки садит! Поди, я видел у большухи горшок каши стоит, поиди ешь!»

Поп сошел со полатей, разыскал горшок в печи. «Работник! — говорит, — чем я буду кашу есть! Ложки мне не найти», — говорит. «А ты, черт косматый, навязался! Есть ему дал и то покою не дает! Засучи руки и ешь так!» Поп загнал туды руки и ожег; а там не каша была, а вар! Вот он и забегал с горшком опять: «Работник, ведь мне рук не вынуть!» Работник и говорит: «Ишь, лешего косматого навязало на меня! Всю ночь покоя не даешь со своей кашей!»

Была месячная ночь. «Вон, — говорит, — у порога точило лежит, брякни горшком об него и вынешь руки-то!» Этот поп разбежался — да как хряснет об это точило! А это лежало не точило, а хозяин лысой спал! Поп об его лысину и ударил. Хозяин завопил, а поп скочил да из избы вон: испугался. Тогда все хозяева вскочили, за огнем. Хозяин кричит чего-то, работник кричит: «Куды поп девался?» Не знаю, что и делалось здесь. Хозяева за работника: «Зачем старика убили?» А работник за хозяев: «Куда попа дели? Давайте попа! А нет, сейчас схожу к десятскому: «Деревню собери!» Где хотите, попа давайте!»

Потом хозяева одумались: «Куда поп девался?» — «Давайте, — говорит работник, — триста рублей, все дело замну, а нет к десятскому пойду!» Хозяева мялись, мялись, дали триста рублей. «Только не сказывай, что случилось!»

Так работник запряг лошадей и поехал с сеном домой. Попа нет, значит. Проезжает деревню, стоит поп у пелевнюшки, стоит из угла выглядывает, видит, что работник едет с сеном. Поп и спрашивает: «Аль ты, Ваня, едешь-то?» — «Я, — говорит, — косматой плут! Ужо в остроге будешь сидеть! Убил хозяина!» — «Неужели его до смерти я, Ваня, убил?» — «Да быть до смерти! Сейчас ладят за урядником ехать, протокол составлять». — «Не можешь ли, Ваня, как-нибудь этого дела замять?» — «Триста рублей давай, дак замну, а нет — дак в остроге сидеть будешь!»

Так поп согласился триста рублей работнику заплатить, только бы замял это дело.

Работник вернулся в деревню, постоял за углом, постоял немножко и идет назад: «Поезжай, батька! Теперь ничего не будет! Поедем назад!»

Приехали домой. Поп сделался такой добрый! Стал работника жалеть. Как сам садится чай пить, так и работника садит. Ваня прожил зиму, семьсот рублей денег получил вместо сотни.

Приходит домой, отцу и говорит: «Вот, тятка, на деньги! Гляди, сколько заработал! Не как твои два умные сына». После этого стали жить-поживать и добра наживать.

И теперь живут хорошо.

(Зап. от П. Богданова, д. Тимохино Белозерского у. Новгородской губ., в 1908 г.)

Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.